

О современных нуждах церковного пѣнія въ Россіи.

Несравненный нашъ московскій синодальный хоръ, какъ извѣстно, привелъ въ восхищеніе жителей Вѣны, исполнивъ въ концертѣ рядъ церковныхъ православныхъ пѣснопѣній. Удивлялись голосамъ, technikѣ, художественной музыкальности исполненія и пр., — но что собственно важно для насъ,—удивлялись оригинальности и красотѣ нашихъ церковныхъ напѣвовъ, сравнивали ихъ съ католическими и отдавали имъ преимущество. Въ числѣ наиболѣе понравившихся были: „Волною морскою“ Гречанинова и „Тебе одѣющагося“ Турчанинова,—и то и другое—переложенія древнихъ напѣвовъ.

Это свидѣтельство въ пользу нашего древняго церковнаго пѣнія и его музыкально - художественнаго достоинства можно назвать вполне безпристрастнымъ, потому что идетъ не отъ сторонниковъ его и не отъ людей, сжившихся съ нимъ съ дѣтскихъ лѣтъ, а отъ тѣхъ, которые по меньшей мѣрѣ совершенно равнодушны къ нашему богослуженію, съ нашими же церковными напѣвами и знакомятся впервые.—Съ другой стороны Вѣна—такой городъ, въ которомъ музыкальное образованіе стоитъ слишкомъ высоко для того, чтобы была возможность публикѣ увлечься лишь оригинальностью перваго впечатлѣнія и подъ его вліяніемъ произносить восторженные отзывы. При томъ же, по сообщенію корреспонденцій, слушателями въ большинствѣ были люди музыкально-образованные, способные отличить дѣйствительную красоту музыкальныхъ построеній отъ пустой внѣшней эффектности.

Теперь вспомнимъ время уже давно минувшее, такое о которомъ, употребляя выраженіе поэта, свѣжо преданіе, но

вѣрится съ трудомъ,—время наканунѣ петровской реформы. Тогда не было еще композицій западнаго, католическаго характера на славянскій текстъ. Правда, чрезъ юго-западъ Руси уже около ста лѣтъ шло изъ Европы вѣяніе, захватившее и нашихъ придворныхъ пѣвцовъ: царь Алексѣй Михайловичъ уже посылаетъ въ Кіевъ за учителями партеснаго пѣнія ¹⁾; при Никонѣ какъ патріаршій, такъ и государевъ хоръ исполняютъ многоголосныя сочиненія ²⁾, но во первыхъ это были гармонизаціи тѣхъ же древнихъ напѣвовъ ³⁾, а во вторыхъ—то, что доступно было придворнымъ пѣвчимъ, недоступно было для прочихъ клиросовъ св. Руси⁴⁾. Такимъ образомъ до реформы пѣніе царило вездѣ русское, напѣвы родные ⁵⁾. И наши предки любили эти напѣвы, равно какъ и вообще пѣніе церковное: они, какъ извѣстно, называли его ангелоподобнымъ, изряднымъ, сладкогласнымъ ⁶⁾, особенно распѣвы: знаменный и демественный: послѣдній самымъ своимъ существованіемъ ⁷⁾, а тѣмъ болѣе—столь обширнымъ распространеніемъ уже доказываетъ любовь нашихъ предковъ къ священнымъ пѣснямъ. Памятниками такой любви могутъ служить дошедшія и до нашего времени, тщательно списанныя нотныя крюковыя книги, стоящія огромныхъ трудовъ своимъ переписчикамъ, — а также и

¹⁾ Ундольскій Замѣчанія для исторіи русскаго церковнаго пѣнія 1846 стр. 16.

²⁾ Никонъ еще въ Новгородѣ завелъ у себѣ партесное пѣніе Ундольскій, стр. 11—12.

³⁾ Это можно утверждать на основаніи дошедшихъ до насъ „демественниковъ“ (нотныхъ книгъ) XVII в. Небольшія выдержки изъ нихъ есть у Разумовскаго. „Церковное пѣніе въ Россіи 1867. стр. 215—218

⁴⁾ Впрочемъ если бы это многоголосное пѣніе и воцарилось у насъ, то, будучи усвоено добровольно и сознательно, оно приняло бы характеръ, вполне свойственный богослуженію русской православной церкви и законамъ русской музыки.

⁵⁾ Конечно наши церковныя напѣвы взяты изъ Греціи; но съ теченіемъ времени они совершенно обрусѣли и стали отличными отъ греческихъ См. Разумовскій Ц. П. въ Россіи, гл. IV и V

⁶⁾ Эти названія находятся въ степенной книгѣ подъ 1053 г. См. Ундольск. стр. 1.

⁷⁾ „Демественный“—domesticus—домашній распѣвъ, въ отличіе отъ церковнаго Древніе русскіе люди любили заниматься пѣніемъ церковнымъ и дома. Впослѣдствіи демественное пѣніе вошло въ церковное употребленіе См. Разумовскій Ц. П. гл. 6

слава лицъ, умѣвшихъ хорошо пѣть на разные распѣвы. Но вотъ наступило время реформы, и все измѣнилось. Черезъ какіе нибудь полвѣка русскій человѣкъ заговорилъ на французскомъ языкѣ, одѣлся въ нѣмецкій костюмъ, поѣхалъ на голландскихъ корабляхъ и, вмѣстѣ съ усвоеніемъ чужого быта, мимоходомъ изучилъ всѣ заграничныя ремесла, науки и искусства, между прочимъ—научился и итальянской музыкѣ.

Древнее церковное пѣніе, какъ одна изъ живыхъ вѣтокъ православной вѣры, оторванныхъ отъ корня, быстро стало увядать. Напѣвы, которыми теперь начинаютъ восхищаться иностранцы, признаны были немзыкальными, монотонными, словомъ неинтересными, даже неприличными, и смѣнены божественнымъ итальянскимъ пѣніемъ, доставлявшимъ много удовольствія и развлеченія въ церкви, напоминавшимъ нерѣдко тѣ оперныя мотивы, которые своей игривостью такъ плѣняли новыхъ европейцевъ. Прежнее скучное богослуженіе стало куда интереснѣе. Какіе блестящіе концерты разучивались придворнымъ, а за нимъ и прочими хорами, какіе звуковые эффекты пришиты были къ проходившему мимо ушей слушателя тексту пѣснопѣній!...

Между тѣмъ время шло, франговетво надоѣдало, а пробудившіеся умственные и нравственные запросы заставили критически отнестись къ нѣмецкой обложкѣ. Понялъ мало по малу русскій человѣкъ, что не довольно моднаго платья для того, чтобы быть культурнымъ человѣкомъ, что культура растетъ на почвѣ ранѣ собранныхъ умственныхъ и нравственныхъ сокровищъ народа, составляющихъ плоды его собственнаго труда, а не купленныхъ пудами у другихъ,—понялъ, но поздно: въ неразумномъ презрѣніи къ своему утрачено многое, за что дорого заплатили бы теперь умные люди. Къ этому многому между прочимъ принадлежитъ и древнее наше церковное пѣніе. Тогда не цѣнили богатства, которымъ обладали, и многое, многое растратили изъ него,—прежде же и главнѣе всего—самый вкусъ къ нему и пониманіе его. Красота неслыханныхъ ранѣ гармоническихъ формъ, ласкающіе ухо музыкальные ходы и модуляціи могли ошеломить и не такихъ наивныхъ слушателей, какъ русскіе люди того времени, которые конечно не могли и подозрѣвать, что ихъ родные церковныя напѣвы могутъ одѣться въ

еще болѣе красивую гармоническую оболочку... Неприничность итальянскихъ концертовъ поняли довольно скоро, но освобождались отъ излишняго подчиненія итальянскому стилю въ пѣннн очень медленно. Цѣлое почти столѣтіе прошло до того времени, когда догадались о важности утраты, потому что она стала уже слишкомъ очевидной, и къ счастью, по приказанію св. Синода, издана была цѣлая серія печатныхъ нотныхъ книгъ содержащихъ древніе распѣвы, чѣмъ пѣніе русское спасено было отъ окончательнаго исчезновенія. Но для возстановленія его не пришло еще время, еще увлеченіе итальянскимъ стилемъ было слишкомъ живо, тѣмъ болѣе, что талантливый представитель его—Бортнянскій (1751—1825) написалъ множество произведеній, достойныхъ церковнаго клироса и высоко-музыкальныхъ. Первостепенный нашъ музыкальный геній—Глинка (1804—1857) авторитетно и сильно высказался за красоту древняго церковнаго пѣннн и за необходимость его возстановленія. Онъ самъ хотѣлъ заняться этимъ дѣломъ, но смерть остановила его трудъ. Турчаниновъ (1779—1856), Львовъ (1799—1870) и ихъ подражатели обогатили церковно-музыкальную литературу превосходными произведеніями. Они показали, что въ изящной гармонической оправѣ наши церковные напѣвы служатъ безподобнымъ украшеніемъ православнаго богослуженія; но конечно освободиться отъ вліянія итальянской школы они были не въ силахъ: такъ она господствовала въ нашемъ искусствѣ,—господствуетъ и до сихъ поръ. Въ послѣднее время начались работы по изысканію законовъ особаго, чисто русскаго контрапункта, отчасти потому, что нѣкоторыя древнія церковныя мелодіи не поддаются гармонизаціи по контрапункту западному. Настоящее время не можетъ дать отвѣта на вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ это дѣло увѣнчается успѣхомъ. Во всякомъ случаѣ оно представляетъ задачу чрезвычайно трудную, потому что почти нѣтъ данныхъ для ея рѣшенія. Если и зародились нѣкогда въ Россіи самобытныя гармонизаціи церковныхъ распѣвовъ ¹⁾, то отъ нихъ не оста-

1) По нашему мнѣнію, здѣсь приходится считаться съ дилеммой: или весь нашъ народъ, у котораго въ самыхъ глухихъ уголкахъ Россіи существуетъ многоголосная, а не унисонная пѣсня, усвоилъ итальянскую манеру пѣннн, что, по нашему мнѣнію нелѣпо до очевидности, или онъ

лось и слѣда, кромѣ развѣ очень немногихъ мертвыхъ записей крюковой нотациі. Много надеждъ возлагають на анализъ русской пѣсни: но и тутъ мы несемъ кару за наше постыдное презрѣніе къ родному: русская пѣсня исчезаетъ безслѣдно, а на ея мѣсто водворяется отвратительный, неподражаемо-безвкусный, убивающій всякое эстетическое чувство фабричный романсъ, плодъ растлѣнія пригородныхъ правовъ. Съ большимъ трудомъ удалось немногимъ страстнымъ и усерднымъ любителямъ дѣла собрать хоровыя пѣсни—и въ небольшомъ количествѣ. И это - большое сокровище.

Есть у русскаго народа убѣжище, гдѣ скрывался онъ отъ житейскихъ волненій и бурь времени. Это—тихія обители, куда бѣжали отъ суеты многмятежныхъ дѣлъ людскихъ пишущіе покоя вышшаго. Благодареніе Богу,—во время реформы насиліе не коснулось этой святыни. Самъ преобразователь, обязанный великой обители спасеніемъ своей жизни, благоговѣнно обходилъ монастыри, предоставивъ имъ полную свободу. Тамъ нашло себѣ прибѣжище и гонимое пѣніе. И до сихъ поръ духъ высокаго отрѣшенія отъ міра и возвышенія надъ всѣмъ ничтожнымъ, земнымъ широкой волной льется въ душу слушающаго величавые напѣвы древнихъ монастырей. Монастырскія библіотеки сохранили не мало крюковыхъ нотныхъ рукописей, иногда не одногласныхъ, гдѣ можно находить и слѣды русскаго контрапункта. Но и здѣсь положеніе дѣла не обезпечено: безконтрольная полноправость монастырскихъ регентовъ въ своемъ дѣлѣ позволяетъ имъ предлагать иногда свои передѣлки, не оправдываемыя ничѣмъ. Пишущій эти строки слушалъ въ нынѣшнемъ 1899 г. утреню на великую пятницу въ главномъ соборѣ одной изъ знаменитѣйшихъ и старѣйшихъ обителей Россіи (Моск. губ.). Къ своему прискорбію вмѣсто обычнаго монастырскаго напѣва трипѣснца „къ Тебѣ утреннюю,—напѣва отличающагося строгимъ и вмѣстѣ умирительнымъ характеромъ, онъ услышалъ безвкусное искаженіе, Турчаншиновскаго переложенія,—какіе то наводящіе унылость на душу, блѣдные звуки. Въ заключеніе къ этому пропѣто

— —

и до реформы пѣлъ въ церкви гармонически, по своему, безсознательно, конечно, контрапункту

не безъ вибраціи партесное тріо: „Разбойника“. Все это прискорбно потому, что утратить прежніе напѣвы легко, а возстановить часто бываетъ невозможно ¹⁾.

Мы дѣлаемъ этотъ бѣглый обзоръ судьбы нашихъ церковныхъ напѣвовъ, имѣя въ виду одну цѣль: показать, что въ нынѣшнее время исторія нашего церковнаго пѣнія переживаетъ кризисъ. Съ одной стороны явная непригодность для церкви композицій итальянскаго характера заставляеть насъ оставить ихъ и замѣнить болѣе родственными нашей національности и православной церкви,—съ другой—для выработки законовъ русской композиціи не смотря на усилія сравнительно немногихъ знатоковъ, сдѣлано еще крайне недостаточно.—Между тѣмъ время идетъ,—и народное русское пѣніе, которое могло бы дать матеріаль для разработки предстоящей задачи, быстро отходитъ въ область исторіи, равно какъ и пѣніе во многихъ монастыряхъ измѣняется на тотъ новый ладъ, который уже успѣлъ устарѣть. Наступилъ періодъ самый неблагопріятный для успѣховъ священнаго искусства. Прежнія формы отвергнуты, а новыхъ еще не создано.—Реакція всегда ведетъ къ крайностямъ противоположнымъ. Послѣ увлеченія итальянскими концертами началось охлажденіе къ нимъ до такой степени, что теперь адепты нашего церковно-музыкальнаго искусства говорятъ о совершенной неприложимости итальянской гармонизаціи къ нашимъ церковнымъ напѣвамъ, готовы совершенно игнориро-

¹⁾ С. А. Рачинскій, описывая школьный походъ въ Нилову Пустынь говоритъ между прочимъ: „Увы! За истекшія двѣнадцать лѣтъ характеръ пѣнія въ Ниловой Пустыни значительно измѣнился и измѣнился не къ лучшему. Смѣшанный хоръ (съ участіемъ мальчиковъ пѣвчихъ) выигралъ въ технику, но выборъ исполняемыхъ имъ пѣснопѣній сталъ крайне плохъ, чуждъ характера не только монастырскаго, но и вообще церковнаго. Еще прискорбиѣе паденіе традиціоннаго пѣнія на мужскихъ голосахъ, коимъ доселѣ славилась Нилова Пустынь. Пѣніе это составляетъ драгоценное достояніе нашихъ древнихъ монастырей и только въ нихъ можетъ быть поддерживаемо на должной высотѣ. Красота этого пѣнія коренится въ столь полномъ усвоеніи напѣвовъ осьми церковныхъ глаголь и напѣвовъ самогласныхъ, какое возможно только монаху, обязанному всю жизнь пѣть въ церкви ежедневно. Пѣніе это положено на ноты быть не можетъ, ибо тексты пѣснопѣній ежедневно мѣняются, обуславливая безпрестанныя варіаціи въ ритмъ, приглашая къ варіаціямъ и въ самой мелодіи и ея гармонизаціи. С. Рачинскій Сельская школа. СПб 1898 г. стр. 160—161

вать даже такихъ превосходныхъ композиторовъ, какъ Турчаниновъ, забывая ту простую истину, что главныя достоинства духовно-музыкальныхъ сочиненій—ихъ молитвенность и теплота религіознаго чувства,—ихъ умиленность,—а это качество проникаетъ весьма многія переложенія Турчанинова и другихъ ему подобныхъ композиторовъ. Нельзя же вооружаться противъ такихъ превосходныхъ произведеній только потому что въ нихъ западная гармонизація. „По мнѣнію многихъ авторитетныхъ художниковъ и знатоковъ церковнаго пѣнія“, говоритъ С. А. Рачинскій, „употребленіе въ немъ западныхъ ладовъ есть отступленіе отъ истиннаго характера православнаго пѣснопѣнія, и должно быть безусловно замѣнено гармонизаціею въ ладахъ церковныхъ ¹⁾“. Позволяю себѣ думать, что художественная дѣятельность послѣднихъ двухъ столѣтій не можетъ быть выкинута изъ исторіи нашего церковнаго пѣнія, что рядомъ съ искаженіями, которыя надлежитъ устранить, она внесла въ его область дѣйствительное обогащеніе. Лучшія сочиненія и переложенія Бортиянскаго и его школы (въ особенности Турчанинова) не могутъ быть исключены изъ сокровищницы нашихъ церковныхъ пѣснопѣній. Лады западные изъ нея не исчезнутъ. Стѣдуетъ только заключить ихъ употребленіе въ должныя границы, возстановить въ ея правахъ гармонизацію въ ладахъ церковныхъ, естественная область которыхъ несравненно обширнѣе, чѣмъ область ладовъ западныхъ. Опредѣлить, разграничить эти области—дѣло художественнаго чутья, будущей дѣятельности гениальныхъ композиторовъ,—еще болѣе, чѣмъ дѣло музыкальной теоріи. И не на основаніи теоретическихъ соображеній позволяю я себѣ выразить это мнѣніе, а на основаніи практическихъ наблюденій“.—Реакція противъ избытка ненужныхъ диссонансовъ воздвигла гоненіе на всякіе диссонансы (гармонич. перелож. Потулова), не смотря на высокую красоту и, такъ сказать, пдейность многихъ изъ нихъ, способныхъ до глубины потрясти душу. Вызвать въ ней напряженныя и теплыя чувства покаянія и смиренія. Все эти увлеченія конечно могутъ только замедлить ходъ дѣла; но пусть такъ,—увлеченія и ошибки неизбежны на пути къ истинѣ.

¹⁾ „Сельская школа“, стр. 115—116

Всякое критическое положеніе требуетъ усиленнаго напряженія энергій, чтобы совершился поворотъ къ лучшему. Такъ и теперь, чтобы водворилось православно-русское церковное пѣніе у насъ на Руси, нужно собрать сколь возможно больше силъ и способностей, а главное—последнихъ, на святое дѣло. Дѣло, какъ мы видѣли, трудное. Оно требуетъ не только усиленной подготовки со стороны лицъ посвятившихъ себя ему, но и полного удобства для нихъ—отдать ему все свои силы. А между тѣмъ этого то у насъ и нѣтъ. Любовь къ искусству бываетъ иногда страстная, но нѣтъ даже возможности посвятить себя ему. Чтобы понять, что это дѣйствительно такъ, а также, чтобы уяснить по возможности, чѣмъ бы помочь дѣлу въ нуждѣ, позволимъ себѣ разсмотрѣть, какъ въ настоящее время передаются пѣвческія знанія изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Обученіемъ церковному пѣнію спеціально занимаются у насъ ¹⁾, училище при придворной капеллѣ въ Петербургѣ и синодальное училище въ Москвѣ. Постановка дѣла въ нихъ и всевозможныя средства для этого находятся въ образцовомъ состояніи, но численный процентъ учащихся по отношенію къ великой семьѣ русскаго народа сводится къ нулю.—Кромѣ этихъ спеціальныхъ учрежденій каждая духовная семинарія, каждое духовное училище, каждая церковно-приходская школа учитъ пѣнію исключительно церковному по спеціально выработаннымъ, въ недавнее время значительно расширеннымъ, программамъ. Обучаться пѣнію обязанъ каждый воспитанникъ упомянутыхъ заведеній: при чемъ, если онъ дѣйствительно приобрѣтетъ познанія, соответствующія программамъ, то будетъ или вполне основательнымъ спеціалистомъ, или, во всякомъ случаѣ, очень просвѣщеннымъ въ этой области. Кажется чего же болѣе нужно? Но дѣло въ томъ, что программы остаются напечатанными на бумагѣ и не выполняются не по нежеланію, а потому, что при наличномъ положеніи дѣла они *безусловно* невыполнимы. Главныя причины этого сводятся къ тремъ ниже изложеннымъ.

Во первыхъ большинство означенныхъ учрежденій никакимъ образомъ не могутъ достать для себя учителя пѣнія,

¹⁾ Разумѣемъ здѣсь сѣверную Россію, не касаясь губерній Малорусскихъ.

который хотя бы съ грѣхомъ пополамъ зналъ то, что требуется программой семинарскою.

Во вторыхъ,—времени, опредѣленнаго на изученіе этого труднаго дѣла, слишкомъ мало (въ семинаріяхъ—1 ур. въ нед. въ каждомъ классѣ).

Въ третьихъ,—это главное, отъ этого преимущественно зависитъ вся безуспѣшность дѣла,—у самого преподающаго времени положительно не хватаетъ для того, чтобы хотя сколько нибудь добросовѣстно заняться этой специальностью.

Въ церковно-приходскихъ школахъ пѣнію обучаетъ тояе самое лицо, которое преподаетъ и другіе предметы, обученіе пѣнію входитъ въ кругъ его обязанностей наряду съ преподаваніемъ русскаго языка, ариѳметики и т. п. Учителемъ можетъ быть умный человѣкъ, понимающій свое дѣло, но вовсе не мастеръ въ пѣніи;—дѣло конечно идетъ плохо. Въ училищахъ и семинаріяхъ обыкновенно занимается этимъ предметомъ тоже преподаватель какихъ нибудь другихъ наукъ. Разница въ томъ, что обученіе пѣнію здѣсь никому не вмѣняется въ обязанность, а берется тѣмъ лицомъ изъ корпораціи, которое чувствуетъ за собою какую нибудь компетенцію въ этомъ дѣлѣ. Но вѣдь училищная программа—не то что программа церковно-приходской школы, а семинарская—прямо требуетъ преподавателя, получившаго специально-музыкальное образованіе и очень хорошо знающаго церковное пѣніе, какъ простое, такъ и „партезное“. Одно уже усвоеніе крюковой нотации требуетъ занятій усиленныхъ и продолжительныхъ. Такія лица почти никогда не встрѣчаются между членами корпораціи, а пригласить для этого другое лицо, дѣйствительно свѣдущее, если оно какъ нибудь и найдется подъ руками, нельзя—по крайней ограниченности вознагражденія за уроки ¹⁾ И кончается обычно тѣмъ, что тотъ изъ преподавателей, который знаетъ нотную абзуку и нуждается въ увеличеніи скуднаго семинарскаго оклада, со вздохомъ берется за неинтересный пре-

¹⁾ Собственно говоря плата за недѣльный урокъ по пѣнію—таже, что и по другимъ предметамъ; но такъ какъ въ семинаріяхъ о которыхъ мы главнымъ образомъ и ведемъ рѣчь, количество уроковъ ничтожно, то и сумма годового оклада учителя пѣнія мала. Притомъ же его должность не освобождаетъ даже отъ исп. воинской повинности

метъ, чтобы почти только на бумагѣ исполнить требуемое программой. Понятно, что при постановкѣ дѣла даже въ нѣскольکو разъ лучшей, чѣмъ подобная, не можетъ быть ни получено свѣдѣній, ни возбуждено интереса къ пѣнію, и изъ кончившихъ курсъ въ семинаріи только пѣвчіе въ хорѣ въ большей или меньшей степени знаютъ ноты, да попадутся четыре-пять сыновей любителей пѣнія изъ духовенства, еще до училища усвоившихъ отъ отцовъ церковныя напѣвы, а нерѣдко и ноты. Прочіе кое-какъ сдаютъ экзаменъ и выходятъ, не умѣя даже пропѣть вѣрно гаммы. Къ сожалѣнію, простое пѣніе и со слуха усваиваютъ очень немногіе: на клиросахъ обыкновенно поютъ „пѣсы“. Прочувшіеся 10 лѣтъ—въ семинаріи и училищѣ, привыкшіи къ нотному пѣнію, иногда довольно искусному, точно такъ же какъ наши послѣреформенные предки, начинаетъ свысока относиться къ напѣвамъ простымъ и ставши въ ряды духовенства, или совсѣмъ не заботится о пѣніи въ своемъ храмѣ и подвѣдомственной школѣ, или, что особенно плохо, устраиваетъ жалкій хоръ пѣвчихъ, ломающихъ чуть-ли не концерты. Вотъ почему теперь въ нашихъ храмахъ особенно сельскихъ, крайне рѣдко можно встрѣтить псаломщика, твердо и чисто знающаго церковныя напѣвы, обыкновенно поется нѣчто болѣе или менѣе сходное съ ними,—иногда басовая партія хоровыхъ переложеній, которая сама по себѣ крайне некрасива, немелодична и не даетъ объ истинномъ церковномъ мотивѣ почти никакого представленія. Впрочемъ такіе псаломщики, даже въ селахъ въ одиночку поютъ обыкновенно лишь въ будни, а въ праздники собираютъ любителей и оглашаютъ своды храма ужаснѣйшими партесами. Недаромъ понимающіе дѣло люди говорятъ что пѣвцовъ, знающихъ и правильно исполняющихъ древнее церковное пѣніе, теперь почти невозможно найти ¹⁾. Замѣчательно что поколѣніемъ или двумя раньше они не представляли изъ себя особенной рѣдкости и наши отцы съ восторгомъ и сожалѣніемъ вспоминаютъ о томъ времени, когда подобныя пѣвцы возбуждали истинное религиозное чувство своимъ одногласнымъ исполненіемъ.

¹⁾ См. Прав. Обзоръ 1890 г. Статя Г. Комарова. Средства къ улучшенію церковнаго пѣнія

Значитъ забвеніе церковныхъ напѣвовъ совершается съ крайнею быстротою, пропорціонально росту желѣзныхъ дорогъ, губящихъ патріархальную наивность правовъ провинціи,—одно изъ немногихъ ея достоинствъ. Утрачивается самый вкусъ къ этимъ напѣвамъ и образуется ложный вкусъ къ различнымъ партесамъ, очень часто, особенно въ провинціи, совершенно безвкуснымъ, музыкально безграмотнымъ и главное—въ церкви прямо неприличнымъ.

Такъ мы видимъ, что наши духовныя школы не могутъ правильно учить церковному пѣнію. Гдѣ же берутся свѣдѣнія, нужныя для устройства хоровъ?—Вѣдь извѣстно, что во всякомъ болѣе или менѣе значительномъ городскомъ храмѣ есть хоръ любителей, исполняющій иногда очень нелегкія вещи и ведущій дѣло часто недурно.—На это отвѣтимъ, что единственнымъ учителемъ здѣсь является у насъ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ любовь къ дѣлу. Находится любитель не столько богослуженія и его пѣснопѣній, сколько самой звуковой стихіи, — иногда лицо полуинтеллигентное. Въ дѣтствѣ онъ самъ пѣлъ въ какомъ либо хорѣ, что и пробудило въ немъ эту любовь. Потомъ, съ большимъ трудомъ, по крупинкамъ добываетъ онъ скудныя и разрозненныя музыкальныя свѣдѣнія, списываетъ побольше нотъ и наконецъ, выбравши подходящій храмъ, набравши сколько возможно пѣвцовъ, составляетъ свой хоръ, причемъ въ управленіи имъ руководится конечно не столько познаніями, которыхъ слишкомъ мало для этого нелегкаго дѣла, сколько природнымъ музыкальнымъ инстинктомъ и талантливостью. Извѣстно, что любовь къ дѣлу творитъ чудеса,—и дѣйствительно, — иногда пѣніе такихъ любителей превосходитъ всякія ожиданія, основанныя на наличности тѣхъ средствъ, которые могли, быть употреблены въ дѣло. Но горе въ томъ, что одинъ инстинктъ безъ школы всегда безсознателенъ. Всякая школа и состоитъ въ томъ, чтобы человѣка, обладающаго извѣстной способностью, познакомить съ ней чрезъ указаніе ея свойствъ и области проявленія и такимъ образомъ эту силу, не всегда послушную ея владѣльцу, вполне передать въ его руки. Безъ школы всякая способность, кромѣ развѣ генія, можетъ незамѣтно какъ бы выскользнуть изъ рукъ и растратиться безцѣдно, подобно теплу раскрытаго очага. Нерѣдко такъ и бываетъ съ описанными лю-

бителями. Они, увлекшись успѣхомъ дѣла, льстящимъ ихъ тщеславію, которое, къ крайнему прискорбію, часто является въ насъ очень сильнымъ рычагомъ, уклоняются на самый опасный путь погони за техническими эффектами. Если послѣдніе болѣе или менѣе удаются, какъ говорятъ — идутъ, то на этого регента можно рукой махнуть: черезъ нѣсколько времени его талантъ исчезнетъ какъ даръ и вкусъ ополнится до неузнаваемости. Вотъ почему у насъ въ провинціальныя церкви такъ часто слышится невозможное, антицерковное, хотя иногда и искусное, пѣніе. Обратимъ вниманіе на то, что и хоры нашихъ духовноучебныхъ заведеній, начиная съ регента, въ значительномъ большинствѣ формируются по этому же типу: — классы пѣнія почти не имѣютъ никакого вліянія на хоръ. Единственная разница, — это сравнительно большая общая интеллигентность исполнителей и самого регента, позволяющая имъ отнестись къ дѣлу пемного сознательнѣе. Но пошлость выбора „пѣснь“ въ большинствѣ случаевъ — также, тотъ же кощунственный крикъ, — первый и несомнѣнный признакъ полнѣйшаго музыкальнаго невѣжества и неразвитости вкуса. Причина этого явленія вполнѣ понятна. До сихъ поръ воспитанники нашихъ духовно-учебныхъ заведеній совершенно почти незнакомы, — и даже въ большинствѣ лишены возможности познакомиться съ музыкой. Правда, во многихъ семинаріяхъ начинаютъ нанимать учителей музыки и заводить оркестры. Но дѣло сводится почти къ нулю — обычно за недостаткомъ матеріальныхъ средствъ. Отъ казны особо назначенныхъ на это денегъ не полагается, и хотя музыка теперь объявлена желательной во всѣхъ семинаріяхъ, но средства на покупку инструментовъ и жалованье учителю могутъ или получаться отъ частныхъ благотворителей, или браться изъ такъ называемыхъ „негласныхъ суммъ“. Очень нередко употребить эти суммы на музыку мѣшаетъ или наличность существенныхъ экономическихъ нуждъ, или равнодушіе къ дѣлу, лицъ, завѣдующихъ этими суммами. Въ провинціяхъ болѣе глухихъ кромѣ того крайне трудно бываетъ достать сноснаго учителя. Такимъ образомъ весьма туго распространяется знакомство даже со струнными инструментами, а фортепiano или фисгармонія почти нигдѣ не изучаются; между тѣмъ только тотъ, кто хотя немного владѣетъ клавиатурнымъ ин-

струментомъ, можетъ усвоить законы гармоніи, безъ знанія которыхъ настоящее управленіе хоромъ невозможно. Вспомнимъ, что семинарская программа по церковному пѣнію требуетъ отъ учениковъ между прочимъ знанія теоріи гармоніи въ цѣломъ составѣ. Ясно, что такая программа до сихъ поръ могла лишь существовать, но не выполняться.

Вотъ въ какомъ положеніи находитесь у насъ на Руси обученіе церковному пѣнію. Съ одной стороны—любовь къ дѣлу, съ другой—невозможность разумнаго удовлетворенія ей, съ одной стороны замѣчательная природная талантивость, поразившая еще иностранныхъ учителей пѣнія въ первыя времена реформы, съ другой—совершенный недостатокъ музыкальнаго образованія; однимъ словомъ—сырого матеріалу много, а обработки нѣтъ.—Между тѣмъ положеніе самаго дѣла церковнаго пѣнія, какъ мы описывали по мѣрѣ силъ раньше,—критическое, требующее солидныхъ и подготовленныхъ дѣятелей.

Не намъ конечно судить о выполнимости подлежащей задачи, это—дѣло опыта дальнѣйшихъ поколѣній,—но пути, ведущіе къ разрѣшенію ея повидному намѣчаются самыми нуждами: необходимо не въ программѣ только, а на дѣлѣ правильно организовать обученіе церковному пѣнію въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, чтобы могло съ теченіемъ времени выйти значительное количество лицъ, основательно знающихъ свое дѣло и могущихъ быть надежными распространителями нужныхъ свѣдѣній. Но такъ какъ первымъ препятствіемъ, какъ мы видѣли, является недостатокъ средствъ то нужна спеціальная, увеличенная ассигновка суммъ на обученіе пѣнію и музыкѣ. Дѣло преподаванія должно быть отдано въ руки компетентныя; поэтому слѣдуетъ отъ каждаго, приступающаго къ нему, требовать извѣстнаго уровня соответствующихъ познаній удостовѣреннаго аттестатомъ. Конечно подобныя лица рѣдко могутъ найтись между преподавателями по другимъ спеціальностямъ, какъ мы уже указывали выше; но если церковное пѣніе выродится въ особую спеціальную кафедру, то необходимо будетъ преподающаго его достаточно обезпечить въ матеріальномъ отношеніи и сдѣлать службу его „коронною“ наряду съ преподавателями прочихъ наукъ. Все это очень немногими процентами увеличить суммы, отпускаемыя на содержаніе духовно-учебныхъ

заведеніи,—и весьма сильно обезпечить успѣхъ дѣла. Тогда уже можно будетъ требовать прохожденія трудной семинарской программы не на бумагахъ только, но и на дѣлѣ. Впрочемъ намъ кажется, что и при такой постановкѣ дѣла программа эта настолько трудна, что еще не скоро будетъ доступна всѣмъ учащимся. Для массы учениковъ довольно будетъ твердаго знанія всѣхъ гласовыхъ мелодій и важнѣйшихъ самогласныхъ пѣснопѣній, по возможности свободнаго чтенія нотъ, усвоенія теоріи церковныхъ ладовъ и общаго знакомства съ краткой исторіей церковнаго пѣнія. Ученики же, отличающіеся особенными способностями и любовью къ дѣлу могутъ заниматься съ преподавателемъ пѣнія отдѣльно, въ свободные отъ прочихъ занятій часы, но непременно подъ оффиціальной отчетностью. Они по прохожденіи всей программы должны получить аттестатъ съ соотвѣтственными правилами, при чемъ хорошо было бы, если бы этотъ аттестатъ выдавался отъ какого либо спеціального заведенія по должному экзаменѣ.

Само собою разумѣется, что увеличеніе числа уроковъ необходимо. Это все представляется мало-осуществимымъ, но дѣло въ томъ, что сразу это даже вовсе неосуществимо. Нужды цѣлаго государства удовлетворяются постепенно. Поколѣнію, учащемуся въ настоящее время въ семинаріяхъ, конечно уже не суждено получить основательныхъ свѣдѣній по пѣнію, потому что предварительныя ихъ познанія въ большинствѣ случаевъ недостаточны. Нужно вводить улучшения съ низшихъ учебныхъ заведеній, напр. училищъ, — и по крайней мѣрѣ ихъ снабдить прежде всего знающими дѣло спеціальными преподавателями. На вопросъ, гдѣ взять этихъ преподавателей? мы отвѣтимъ: они легко найдутся, стоитъ лишь достаточно обезпечить ихъ матеріальное положеніе.— Во первыхъ, изъ тѣхъ же преподавателей духовнаго вѣдомства есть не очень мало страстныхъ любителей пѣнія,—они охотно согласятся оставить свою наличную спеціальность, къ которой нерѣдко не чувствуютъ ни способностей, ни призванія,—и заняться любимымъ дѣломъ; будучи свободны отъ другихъ обязанностей они легко могутъ увеличить свои свѣдѣнія по пѣнію. Далѣе, мало ли способныхъ и усердныхъ къ этому предмету найдется между юношествомъ, кончающимъ курсъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Вѣдь для

преподавателя пѣнія не требуется академическаго аттестата. Многіе семинарскіе регента, занявшись по окончаніи курса, могутъ приобрѣсти недостающія теоретическія познанія и съ успѣхомъ взяться за дѣло. Во вторыхъ, если окажется недостатокъ въ лицахъ своего вѣдомства, можно пригласить для этого окончившихъ курсъ въ консерваторіи (напр. прошедшихъ семь курсовъ теоретическаго класса); необходимъ для нихъ лишь дополнительный экзаменъ изъ области собственно церковнаго пѣнія,—но это не затруднитъ сильно почти никого изъ нихъ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ нуждаются въ обезпеченномъ положеніи и конечно не побоятся труда для его приобрѣтенія. Конечно консерваторіи—разсадники свѣтской музыки и совершенно почти не знакомы съ др. церковнымъ пѣніемъ. Но пока намъ нужны лишь самыя основныя музыкальныя познанія, безъ которыхъ нельзя ступить шагу и которыя можетъ преподавать всякій ученикъ консерваторіи. А слѣдующее поколѣніе дастъ уже своихъ преподавателей, болѣе сродныхъ церкви и ея духу. Съ теченіемъ же времени, когда специалисты въ этой области явятся въ достаточномъ количествѣ, они сами собою образуютъ кружки, которые легко могутъ переродиться въ школы,—новые разсадники учителей пѣнія. Желательно, чтобы подобныя школы были приурочены къ духовнымъ академіямъ, чтобы мало по малу церковное пѣніе и его исторія были отдѣльными богословскими науками наравнѣ съ прочими спеціальностями... но это идеаль, до котораго едва достигаетъ наша робкая фантазія.

Подобнаго рода измѣненія желательны были бы въ дѣлѣ преподаванія церковнаго пѣнія. Что же касается до сохраненія напѣвовъ и выработки соотвѣтственной имъ гармонизаціи, то эта задача можетъ быть выполнена лишь при усиленномъ содѣйствіи церковно-административной власти. Первое, что намъ представляется необходимымъ,—это—строгое слѣдить за тѣмъ, чтобы хоры древнихъ монастырей не оставляли своихъ исконныхъ напѣвовъ,—по крайней мѣрѣ—до забвенія ихъ. Въ особенностяхъ ихъ гармонизаціи, дышащей непосредственностью и наивностью, можно думать,

---

¹⁾ Подъ сохраненіемъ напѣвовъ мы разумѣемъ живое исполненіе ихъ на церк. клирѣ.

иногда проявляются и тѣ законы русской музыки, которыхъ такъ ищутъ спеціалисты. Но конечно этимъ не рѣшится вопросъ о русскомъ контрапунктѣ: вліяніе партеснаго пѣнія несомнѣнно тронуло и монастырскіе хоры и привнесло въ ихъ исполненіе нѣкоторыя чуждыя черты. Единственная возможность создать русское церковное пѣніе заключается, какъ мы думаемъ, въ привлеченіи на клиросъ пѣвцовъ изъ народа; мы разумѣемъ не то общенародное пѣніе, которое вводится теперь во многихъ церквахъ,—едва ли оно можетъ быть полезнымъ въ этомъ дѣлѣ; введеніе его обнаружило лишь любовь къ церковному пѣнію, неизмѣнно живущую въ русскомъ народѣ,—нѣтъ,—должны быть постоянныя, избранныя пѣвцы съ голосовыми средствами и твердымъ знаніемъ распѣвовъ. Это знаніе, должно быть сообщено имъ людьми вполне твердо и чисто усвоившими древніе напѣвы, напр. тѣми лицами, которые будутъ учить пѣнію въ школахъ. (Конечно успѣха въ этомъ дѣлѣ можно ожидать лишь тогда, когда надлежащая постановка пѣнія въ семинаріяхъ дастъ хорошихъ учителей). Школа должна учить народъ пѣнію только унисонному, а гармонизація явится на клиросѣ сама собою. Одинъ изъ знакомыхъ пишущему сельскихъ жителей разсказывалъ съ восхищеніемъ объ оригинальности и народномъ характерѣ пѣнія въ церкви его села. Хоръ организовался уже довольно давно, очевидно по традиціи отъ какого-либо хорошо знавшаго дѣло дьячка. поютъ мужики съ большимъ одушевленіемъ и вкусомъ—только простое, непартесное пѣніе.

Если такая передача пѣнія народу увѣнчается успѣхомъ, то разъясненіе законовъ русской музыки будетъ вполне возможно для спеціалистовъ, потому что они постоянно будутъ имѣть подъ руками живой матеріаль,—иные пути намъ кажутся мало общающимися. Таковъ напр. анализъ русской пѣсни. Не говоря уже о количественной скудости данныхъ,—они едва ли пригодны вполне въ качественномъ отношеніи. Конечно основныя законы гармоніи неизмѣнно дѣйствуютъ, какъ въ церковной, такъ и въ свѣтской музыкѣ. Но въдъ всякій, самъ по себѣ простой, законъ съ безконечнымъ разнообразіемъ примѣняется въ различныхъ подчиненныхъ ему областяхъ. Всемирный законъ тяготѣнія проявляется то какъ пертурбаціи въ движеніяхъ свѣтила, то какъ капил-

лярность, то какъ сцѣпленіе атомовъ, одинъ предметъ составляетъ тонуть въ водѣ, другой—плавать на ней и т. п. Такъ и въ музыкѣ—по однимъ и тѣмъ же законамъ одно чувство выражается въ одной формѣ, другое — въ другой. Въ своихъ пѣсняхъ народъ выражаетъ свои прекрасныя поэтическія чувства, часто возвышенныя, иногда проникнутыя теплою грустью, иногда — живымъ юморомъ, и наконецъ очень часто—беззавѣтнымъ и даже безшабашнымъ весельемъ. Вотъ цѣлая градація одинаково художественно выраженныхъ, но различныхъ въ смыслѣ нравственной цѣнности чувствъ,—и все это—чувства земныя, вызываемыя земными предметами,—съ точки зрѣнія житейской морали—невинныя и прекрасныя, но по суду высшей христіанской нравственности—суетныя, безгрѣшныя и безвредныя. Чувства же вложенныя въ церковныя молитвословія — совсѣмъ другія, новыя, безусловно святыя; они должны облечься и въ новыя формы: новое вино—и мѣхи новыя. Значитъ, мелодическія и гармоническія послѣдованія пѣсенъ могутъ быть слишкомъ безцѣльны для выраженія этихъ высшихъ чувствъ. Это прекрасно понимаетъ и народъ. Онъ любитъ свои пѣсни горячо, но отличаетъ ихъ отъ „божественнаго“ пѣнія названіемъ: „мірекія“ пѣсни, — не поетъ, или, по крайней мѣрѣ, считаетъ грѣхомъ пѣть ихъ въ постъ и подь праздники.

Николай Казанскій.
